

шорта

АНТИГЛОБАЛИЗМ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ

Глобализация открыла не только новые горизонты демократизации современного мира, но и привела к возникновению новых узлов общественных противоречий и болевых точек демократической системы. Более того, она ведет к активизации агрессивного, экстремистского начала в движениях социального протеста, к утверждению в нем приверженности тактике насильственных, радикальных действий. Одним из ярких свидетельств усиления этой тенденции стал международный терроризм. С началом третьего тысячелетия международный терроризм оформился как самостоятельный субъект мировой политики. Обнаружился новый актер – не то чтобы доселе неведомый, но впервые заявивший о себе как о глобальной силе.

Глобализация, столь масштабно обозначившаяся на исходе минувшего столетия, сопровождается антиглобалистскими движениями. Особняком от антиглобализма, но по ту же сторону баррикады находится и международный терроризм, потому что он, несмотря ни на что, является тоже формой антисистемного, специфического и нелегитимного протеста. Распространение терроризма было использовано для подтверждения выводов антиглобалистов о несправедливом миропорядке и социальной неадекватности, пагубности неолиберальной модели развития, порождающей рост социальных диспропорций в мире. С этой точки зрения терроризм выступает как своеобразное выражение отчаяния и как форма протеста против национального, религиозного, социального и политического притеснения. Террористическая атака 11 сентября была вызовом не только Соединенным Штатам, но и западному миру в целом, политике глобализации, олицетворением которой служил Всемирный торговый центр в Нью-Йорке.

Терроризм – не новое явление. Терроризм плод цивилизации, порождение целого ряда обстоятельств. Несмотря на то, что термин «терроризм» получил широкое распространение в период Французской революции и господства якобинцев, проявления терроризма и истоки многих его современных течений можно найти на Древнем Востоке, в греческой и римской республиках. Более 2,5 тысяч лет назад, согласно Ветхому Завету, на территории Египта в течение почти трех месяцев было последовательно осуществлено десять террористических акций, именуемых «Казни Египетские»¹. Делалось это для устрашения фараона, державшего в рабстве еврейский этнос, но понес огромные жертвы народ Египта. Сценарии тех «казней»

¹ Нечипоренко О.М. Терроризм – древний и смертельно опасный спутник человечества: Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма // Международная конференция.

М., 2001. <http://www.Waaf.ru>

и по сей день, уже более двадцати веков являются классической моделью терроризма.

Практически всякому террористическому течению, начиная с древности, свойственна некоторая идеология, которая оправдывает жестокость террористического действия, мифологизирует его.

Наиболее ранней основой для террористической идеологии является религия. Одним из древнейших террористических образований можно назвать секту сикариев, которая действовала в Иудее в I веке н. э. («сика» в переводе на русский язык означает кинжал или короткий меч). Это были экстремистски и антиримски настроенные националисты, которые в то же время видели своих противников даже в среде умеренной египетской и палестинской диаспоры, в евреях, стоявших за мир с Римом. Сикарии возглавляли движение социального протеста, настраивая низы против богатых верхов. Они убивали римских чиновников и проимперски настроенных евреев, сжигали городские зернохранилища и выводили из строя системы водоснабжения в Иерусалиме. У сикариев была тщательно разработанная доктрина, своеобразная философия. Они не признавали над собой никакой земной власти, отказывались видеть в священнослужителях посредников между Всевышним и простыми смертными. Они проявляли религиозный фанатизм и видели в мученичестве нечто приносящее радость, полагали, что после свержения ненавистного режима Господь явится своему народу и избавит их от мук и страданий.

Терроризм группы стал более распространенным явлением в средневековье (XI-XIII вв.) на территории Персии, а позднее и на территории Сирии и Ливана. Фактически, термин «убийца» исходит из арабского «hashashin», который буквально означает «едок гашиша». Так называлась сектантская группа исмаэлитов-ассасинов, впоследствии мусульман, которые использовались их духовным и политическим лидером (местный халиф) в борьбе с религиозными врагами. Первоначально организацией руководил Гасан ибн-Саббах, «шейх горы», укрепившийся в горной крепости Аламут и нагонявший ужас на своих противников актами террора, совершаемыми его воспитанниками (федаи). Это были мусульмане-фанатики, подбиравшиеся среди бедноты, воспитывавшиеся в абсолютном повиновении «шейху горы». Федаи воспринимали его как посланника Аллаха и готовы были исполнить любой его приказ. Юношей для этого подвергали специальной психологической обработке с применением гипноза и гашиша. Их убеждали, что смерть по воле Гасан ибн-Саббаха – высший подвиг на земле, после которого наступит жизнь в раю. Примечательно, что по истечении многих веков методика идейно-психологической обработки фанатично верующих мусульман в целях превращения их в послушных террористов-самоубийц практически не претерпела изменений.

Широкое распространение в истории получил политический терроризм. Например, убийство Юлия Цезаря в отдельных исследованиях

представляется как акт политического терроризма. Вместе с тем принято считать, что истоки политического терроризма надо искать в том времени, когда теория божественного права королей начала терять свою политическую значимость в Европе. В эпоху Ренессанса в Италии, Испании и Франции получила известность доктрина tyrannicide – убийства политического тирана. Убийство стало и идеологической инструкцией, и мощным политическим оружием. Политические убийцы подобно тем, кто совершал убийство от имени религии, часто утверждали, что действовали как «божественные инструменты справедливости» по разрушению незаконных и тиранических режимов.

Если взять XX век, то политический террор стал обретать международный характер уже в 60-80-е гг. Произошла резкая активизация левозкстремистских сил в различных районах мира (например, маоистских и троцкистских групп в Азии и Латинской Америке), стремившихся с помощью насилия расшатать правящие режимы. К этому времени от рук террористов погибли премьер-министры Индии: мать и сын Ганди – Индира (1984 г.) и Раджив (1991 г.). Президент Египта, лауреат Нобелевской премии мира А.Садат был расстрелян террористами-исламистами (1981 г.), другой лауреат Нобелевской премии, израильский премьер-министр И.Рабин – террористом-евреем (1995 г.).

Приблизительно в то же время волна террора прокатилась по многим странам Западной Европы («Красные бригады» в Италии, «Фракция Красной армии» в ФРГ, группа «Прямое действие» во Франции и др.). Пал жертвой неизвестного убийцы премьер-министр Швеции У.Пальме (1986 г.). Политический террор познала и Америка: в 1963 г. был застрелен президент страны Дж. Кеннеди.

Примерно с начала 90-х годов мир столкнулся с совершенно новым обликом терроризма. В отличие от террористов 60-80-х годов, новая их генерация чаще всего не ставит перед собой конкретных политических целей, не имеет левой идеологической окраски и лишена инстинкта самосохранения. «Новые террористы» организуют массовые убийства, делая их, благодаря современным информационным технологиям, публичными и потому все более шокирующими. Публичный характер – одна из главных характерных черт этого явления. Однако главной отличительной чертой «нового терроризма» стал его глобальный характер. После событий 11 сентября мировое сообщество всерьез заговорило об угрозе международного терроризма, стремящегося к глобальному переустройству мира на своих принципах. «Международность» терроризма выражается в растущей претензионности, масштабности его целей. «Международность» выражается также во взаимодействии различных локальных террористических групп.

Впрочем, с точки зрения распространения терроризма Западная Европа в последние годы была относительно спокойным регионом.

В таких странах, как Исландия и Люксембург, к примеру, от рук террористов не погиб ни один человек за всю их историю. И хотя в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, Испании, Франции, Италии взрывы гремели постоянно, чаще всего число погибших и пострадавших в каждом случае равнялось нулю. Представители сепаратистов нередко заблаговременно звонили в полицию, предупреждая, где заложена взрывчатка, чтобы у властей было время эвакуировать людей с места будущего взрыва. Все это больше напоминало пиар-акции, чем террор. Конечно, случались накладки. Так, взрыв у супермаркета в Барселоне, устроенный баскскими сепаратистами из организации ETA в 1987 г., унес 21 жизнь, после чего ETA приносила извинения. До самого недавнего времени именно этот взрыв был для испанцев самым страшным терактом.

11 марта все изменилось. В рейтинге десяти крупнейших терактов в истории Западной Европы взрывы в Мадриде заняли третье место после двух взрывов лайнеров над Британскими островами в восьмидесятых годах. Все остальные теракты, попавшие в рейтинг², тоже относятся к семидесятым и восьмидесятым.

К регионам, пораженным экстремизмом и терроризмом, в первую очередь относится зона исламского мира. Именно там сформировались наиболее опасные террористические группировки. Все эти движения и организации, поставившие перед собой цель реисламизации общественно-политической жизни в мусульманских странах, реформирования ее по критериям «чистого», первоначального ислама, относятся к политической идеологии, которая характеризуется термином исламизм. Российский ученый А.Игнатенко определяет его как «идеологию и практическую деятельность, ориентированные на создание условий, в которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого общества (государства), где наличествуют мусульмане, а также между государствами, будут решаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате (системе нормативных положений, выведенных из Корана и сунны)»³.

На место «идейного», политического терроризма заступает существовавший еще параллельно с ним этнический и религиозный терроризм, представленный ирландскими боевиками (ИРА), баскскими сепаратистами (ЭТА) и в особенности многочисленными организациями в мусульманском мире (в Алжире, Ливане, Палестине, Иране, Афганистане). Набирает силу экономический (криминальный) терроризм, регулярное использование насилия в хозяйственной сфере.

Обращение к историческим истокам терроризма свидетельствует, что современный терроризм не является новым социальным явлением, не имеющим прецедента в истории. Практически у каждого террористического течения имеется исторический аналог, прототип. Характер терроризма в целом, как и смысл отдельных террористических

² *Коммерсант.*
2004. 2 апреля.
С. И.

³ Игнатенко А.
От Филиппин до
Косово. Исламизм как
глобальный дес-
табилизирующий
фактор // *Независимая
газета.* 2000. 12
октября; Игнатенко А.
Эндогенный
радикализм в исламе //
Центр.
Азия и Кавказ.
2000. №2.
С. 112-128.

актов, определяется не только сегодняшними социально-политическими, национальными и иными реалиями и противоречиями. Он уходит своими корнями вглубь человеческой истории, в самые древние, даже первобытные времена, в дорелигиозные и религиозные представления, определяется мироощущением и психологией человека, его отношением к обществу и самому себе, его вечным поиском защиты и справедливости.

Современный исламизм заполнил идеологическую пустоту, образовавшуюся после краха постколониальных экспериментов на мусульманском Востоке (насеризм, арабский социализм, арабский национализм и мусульманская солидарность).

Впервые предпринята попытка в глобальном масштабе и с применением силы реализовать особый исламский проект, выдержанный в духе тоталитарной идеологии. Он сочетает идеи вооруженного джихада против Запада с консервативным, близким к саудовскому ваххабизму прочтением ислама, но не предлагает никакой внятной социальной или экономической программы. Основная посылка его идеологии заключается в тезисе: «Аллах – наша цель, пророк – наш вождь, Коран – наша конституция, джихад – наш путь, смерть на пути, предначертанном Аллахом – наше высшее желание»⁴. Другая характеристика этого проекта – его транснациональность. В экстремистские религиозно-политические организации входят суданцы, йеменцы, палестинцы, марокканцы, в пакистанских и афганских лагерях прошли военную подготовку и идеологическую индоктринацию сотни выходцев из Центральной Азии⁵.

Однако, несмотря на внешний архаизм установок, транснациональные радикальные организации представляют собой скорее продукт глобализации, нежели исламского прошлого. Они пользуются в основном двумя международными языками – английским и арабским; обозначают себя не как граждан того или иного государства, а как мусульман; легко меняют места проживания, не укоренены на какой-то определенной родине. Эти организации создали огромную информационно-пропагандистскую сеть почти по всему миру, общаются между собой через Интернет и спутниковые телефоны. Примечательно, что религиозные фанатики сами сели за штурвал сложных в управлении реактивных самолетов, протаранивших Всемирный торговый центр и Пентагон. Группировки и движения распадаются, вновь возникают под другими названиями, меняют руководителей, становясь все менее уловимыми.

Очередная волна радикализации и политизации ислама в современном мире реализуется в форме процессов, которые по-разному квалифицируют как отечественные, так и зарубежные исследователи. Иногда эти процессы рассматриваются как следствие «цивилизационного противостояния», и происходящие в мусульманском мире события тракуются, условно говоря, с позиций «возрождения» ислама. В этом подходе, в частности, прослеживается мысль о том,

⁴ Левин З.И.
Мусульманское
реформаторство и
политика // Ислам и
исламисты. М., 1999.
С. 56.

⁵ Малышева Д.
Мусульманский
компонент мировой
политики // Pro et
Contra. 2002. Т. 7. №
4.
С. 113-117.

что современный исламский фундаментализм – закономерное явление в рамках «исламского ренессанса», поскольку оно отражает стремление части мусульман к возрождению «истинных» исламских ценностей в условиях глобализации.

Некоторые исследователи чаще делают акцент на социально-экономических интересах, которые стоят за активизацией исламских движений. При этом предполагается, что существующие перекосы в системе международных отношений, отсутствие устраивающих население развивающихся стран результатов в построении демократического (гражданского) общества, нерешенность острых социальных и экономических проблем – все это выступает в качестве факторов, способствующих переходу фундаменталистов на позиции политического экстремизма. При таком подходе проблема так называемого исламского терроризма предстает как отражение крайних форм борьбы за равноправное участие в мировой политике, реакция на засилье западных стран в мировых делах, за национальный (или конфессиональный) суверенитет, иногда за сохранение права на социокультурную самобытность, но чаще всего – как стремление к решению внутренних проблем на путях установления «исламского порядка».

Исходным пунктом другого подхода, как правило, выступает анализ геополитических интересов в международных делах. При этом предполагается, что, например, за «ваххабизмом» в России (движением «Талибан» в Афганистане, салафитами в Египте, Йемене и других арабских странах) стоят определенные политические силы, которые используют подобные движения и организации для решения собственных задач. Под таким углом зрения исламские экстремисты могут предстать всего лишь орудием проведения политики отдельных западных или восточных государств, направленной на достижение конкретных целей: создание позиций в жизненно важных для них регионах, установление контроля над торговыми путями, транспортировкой энергоносителей, добычей отдельных видов минералов и т. п.

С другой стороны, возникновение исламского радикализма отчасти является реакцией на идею глобализации, и даже гиперреакцией на процессы вестернизации, а исламизм может быть также определен и как религиозно-политическое движение протеста в странах мусульманской культуры, направленное против глобалистской экспансии в сфере общественных отношений, выработанных секулярным обществом «новоевропейского Запада». Если в западном мире антиглобализм имеет еще и гуманистическую, правовую, экологическую окраску, то в Азии и Африке он сводится главным образом к бунту против засилья Запада, против американской «сверхдержавности», однополярности мира, сохраняющей и увековечивающей ущемленное, зависимое положение народов Юга (Востока). Речь идет о протесте против монополизации власти и влияния могущественными

транснациональными силами, подрывающими традиционные самобытные основы культуры наций, навязывающими народам единообразные западные духовные ценности и стандарты поведения, подчиняющими экономику суверенных государств интересам транснациональных корпораций. Глобализация (в том числе информационный Интернет-взрыв) подчеркнула преимущества высоких социальных стандартов развитого мира. Запад стал доминирующей силой, и это – унижение для других цивилизаций. Речь идет о древних мощных, традиционных культурах, которые чувствуют себя оттесненными на задний план, превращаемыми в маргиналов. В том числе и в самих западных странах. Особенно ранимыми в этом отношении оказываются мусульмане, которые гордятся своей древней и богатой цивилизацией, чувствуя в то же время, что в иерархической структуре современного мира их страны по сравнению с Западом стоят на низшей ступени. Убеденные в превосходстве своей культуры и в том, что их религия является единственной истинной, они в отчаянии от того, что в мире властвуют и задают тон другие. Сила, мощь, влияние в сегодняшнем мире – не у них, а у Запада.

Исламский мир – единственная культура, которая отрицает западную систему ценностей, систему ценностей эпохи модерна. Китайцы, японцы, индусы, по крайней мере сегодня, не противопоставляют себя процессу глобализации. Однако нельзя исключать, что по мере развития, особенности и своеобразие этих цивилизаций начнут ему противоречить. Таким образом, культурная обособленность становится агрессивной, и степень агрессивности зависит от степени отчуждения той или иной группы от основной массы населения, принявшего ее общества. В силу этого и субкультуры начинают становиться менее терпимыми к другим культурам, более агрессивными не только к чужим, но и по отношению к своей официальной культуре, проповедующей терпимость и политкорректность.

По мнению французского философа Ж.Бодрийера роковая дата 11 сентября стала некоей критической точкой в развитии виртуальной катастрофичности эпохи модерна. Конечно, глобализация продолжается, но события 11 сентября, прозвучав сигналом тревоги, все же этот процесс слегка притормозили. Запад сегодня представляет собой модель того, через что придется пройти другим культурам: или ты адаптируешься к глобализации, или исчезаешь. Западная культура – это модель эквивалентности, которая противопоставляет себя всем прочим культурам. Прочие – они своеобразные, оригинальные, они не эквивалентны друг другу, и обмен между ними почти не происходит. А в западной цивилизации все смешалось, все универсально и индифферентно, своеобразия и оригинальности больше нет. Всем остальным предлагается встроиться в схему западной эквивалентности, и здесь – по аналогии с теорией катастроф – можно уже говорить о теории хаоса. С появлением первоначального элемента процесс идет с ускорением, последствия теряют

нормальные пропорции, рациональный порядок вещей уходит, нормальные причинно-следственные связи утрачиваются. Система, которая находится в состоянии борьбы со своей собственной, внутренней катастрофой, пребывает в серьезном кризисе. Система несет в себе что-то самоубийственное, что-то, что идет слишком далеко – за пределы собственного конца, и в этот момент терроризм со своими религиозными, фанатичными мотивациями становится посредником или, точнее, оператором этого внутреннего кризиса системы. В нем находит воплощение возможность крушения системы. Терроризм – это внешняя сила, которая приходит со своими актерами извне принять участие во внутренней драме системы. Их действия начинают резонировать с разладом, во власти которого находится система. В качестве метафоры Бодрийяр употребляет слова «самоубийство системы»⁶.

⁶ Архангельская Н.
Меланхолический
Ницше // Эксперт.
2002. № 17. С. 64-67.

Создание «Аль-Каиды» и других законспирированных исламистских структур, активизировавших террористическую деятельность в 1990-х годах, стало реакцией на ускорившуюся в мире глобализацию. По убеждению радикальных мусульманских лидеров, развернувшаяся под руководством и по сценарию США, глобализация уже в недалеком будущем может создать смертельную опасность для исламского мира, разрушив его морально-нравственные устои. Современные радикалы утверждают, будто возврат к шариатскому эгалитаризму и правилам общественной жизни, обязательным для «истинных» мусульман – действенный способ борьбы против коррупции, эксплуатации, преступности и других недугов современного мира; все это зло рождено доминирующей там западной «материалистической» системой и либерализмом. Чтобы не допустить этого, истинные защитники ислама должны были перейти в наступление и нанести упреждающие удары по самим центрам западной глобализации и экспансии. Причем основным средством борьбы с мощным в военном и экономическом отношении противником должны были стать масштабные акции террора в глобальном измерении с применением всех возможных средств (включая и оружье массового поражения).

Российский ученый Г.Мирский выделяет три круга настроений, которые лежат в основе мотивации современных международных террористов. Речь идет о настроениях антизападных, антиамериканских и антиизраильских⁷.

⁷ Мирский Г.
Современный терроризм в контексте глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2000. № 3. С. 41-45.

Антизападные настроения – это прямое следствие и сохранение в новой форме того духа антиколониализма, которым были охвачены народы Азии и Африки как после Первой, так и в особенности после Второй мировой войны. Неправильно было бы думать, что антиколониализм исчез после ухода иностранных войск и достижения национальной независимости. Он испарился только на практическом уровне, в деловых и бытовых взаимоотношениях, но в менталитете, психике, идеологии он сохраняется. И в этом смысле можно

сказать, что «гнев мусульман» – всего лишь частный случай. Насеровские мечты о создании объединенного великого арабского мира так и остались мечтами, и хотя нескольким арабским странам благодаря нефтяным богатствам удалось прорваться к процветанию, в целом арабское общество вправе испытывать разочарование от всего постколониального этапа своего развития. В глазах всех недовольных и разочарованных, которым обязательно хочется найти ответ на вопрос – кто виноват в распространении аморальности, коррупции, порнографии, наркомании, в экономических неурядицах и в падении престижа арабского мира, Запад является самой удобной мишенью. Люди вообще не склонны к тому, чтобы искать причины своих бед в самих себе и в своем обществе; всегда удобнее думать, что во всем виноваты чужие. А Запад и в самом деле дает множество поводов для того, чтобы Третий мир испытывал к нему неприязнь – экспансией своих ресурсов и идей, своих нравов и своей культуры, своим отношением к обществам Востока как к отсталым и архаичным. Вот первая причина той эмоциональной напряженности, фрустрации, постоянного психологического дискомфорта, которые порождают экстремистские настроения и тенденции в мусульманском мире.

⁸ Американский социолог П.Холландер считает, что антиамериканизм можно подразделить на три основных типа: существует антиамериканизм как национализм, как антикапитализм и как протест против современности. Эти три формы могут проявляться совместно или, что встречается менее часто, в отдельности. (Подробнее см.: Холландер П. А антиамериканизм. СПб., 2000.)

Антиамериканизм⁸ – это явление, скорее всего, вечное и неустранимое, по крайней мере, в обозримом будущем. В каком-то смысле это та цена, которую Америке приходится платить за свое богатство, свою роль единственной сверхдержавы, за свою материальную и духовную экспансию глобального масштаба, но также и за свое далеко не безупречное поведение в мире, за то, что в американском политическом лексиконе называется «высокомерие силы» (the arrogance of power). Антиамериканизм распространен на всех континентах, а для мусульманских фундаменталистов, радикалов, экстремистов Америка – это живое воплощение всего того зла, которое они видят в Западе. И поразить именно Америку – значит одержать решающую победу в борьбе за дело Аллаха. В этом главный смысл террористических акций 11 сентября – заставить американцев дрожать от страха за свою жизнь и продемонстрировать им их слабость и незащищенность.

И, наконец – третий круг, антиизраильские настроения. В широком смысле эти настроения связаны с Иерусалимом, и здесь речь идет уже не только об арабах, а о мусульманском мире в целом. Ведь Иерусалим (по-арабски «Аль Кудс», «священный») – это третий по святости город на земле после Мекки и Медины. Допустить, чтобы им владели люди чужой расы и религии – это оскорбление ислама вообще.

Сверхзадачей террористов могло быть только одно: спровоцировать Соединенные Штаты на ответный удар по исламскому миру с тем, чтобы вызвать более мощную волну возмущения и ненависти к Америке не только в мусульманских странах, но и во всем Третьем

⁹ Schroeder P. *The Risks of Victory. An Historian's Provocation // National Interest, Winter 2001/02.*
P. 26.

мире. Американский историк П.Шредер пишет: «Террористы являются фанатичными идеологами и уголовными преступниками, но они не дураки и не сумасшедшие ни в каком клиническом смысле, они показали высокую степень целенаправленной рациональности в преследовании своих целей; справедливым было бы сказать, что они ожидали и страстно желали ответной реакции Соединенных Штатов. Их очевидное желание стать мучениками борьбы за свое дело говорит нам об их готовности сделать невольными мучениками многие тысячи своих единоверцев и сограждан, равно как и спровоцировать военное отмщение американцам и их союзникам. Это стандартная тактика для террористов и партизан – спровоцировать противника на кровавые ответные меры с тем, чтобы разрушить жизненные центры и заставить каждого сделать выбор между ними и национальными или религиозными противниками»⁹.

Было бы неправильным сводить деятельность исламистов к борьбе с Западом и «золотым миллиардом» – наиболее преуспевающими государствами мира. Это лишь один из элементов «джихада», усилий, нацеленных на переустройство жизни. В политике господствует преимущественно узкое понимание этой борьбы. Она сфокусировалась и направлена против американского диктата, политики США и их союзников. Мало того, попытка анализа ситуации через призму сражения исламистских радикалов с «золотым миллиардом» уводит в сторону от понимания реальных процессов, переводя разговор в плоскость противостояния бедных и богатых.

Дело в том, что правящие элиты большинства стран Третьего мира в чисто прагматических, и, прежде всего экономических, интересах не могут не вести политику, направленную на дальнейшую интеграцию своих стран в мировую экономику, на закрепление и улучшение своего места в системе международного разделения труда – системе, где доминируют Соединенные Штаты, международные экономические организации и транснациональные корпорации. На самом же деле, идет борьба разных элит, протекающая на двух уровнях – национальном и транснациональном. В первом случае новые национальные лидеры борются с находящимися у власти, во втором – объявляют войну западным «хозяевам жизни». Умеренный политический класс исламских государств, который состоит из консерваторов-традиционалистов и либералов-модернистов, не восстает против преобладания западного мира и США, хотя отдельные аспекты их международной политики вызывают несогласие и критику. Представители этого класса могут выражать недовольство, у них с Америкой и другими западными державами могут быть трения, и даже серьезные (одна из главных причин расхождения – палестиноизраильский конфликт), но эти противоречия не выходят за определенные рамки.

Другое дело – радикалы, выступающие как своего рода «контрэлита», конкурирующая и с местными властями, и с наднациональными

силами мирового порядка в борьбе за контроль над ресурсами и активно использующая при этом тот «горючий материал», который накопился в исламском мире. Охвативший его демографический взрыв (ныне каждый пятый житель планеты – мусульманин по рождению, в то время как в начале XX века таковым был только каждый десятый) привел к различным последствиям. Одно из них – появление так называемого молодежного горба: доля людей в возрасте от 15 до 24 лет во многих мусульманских странах возросла до 20% и более. Эта молодежь не находит себе применения на рынке труда и в правительственных структурах и пытается найти место под солнцем всеми доступными способами.

В своей пропаганде радикальные исламисты ориентируются на наиболее амбициозный и наименее социально устроенный слой общества – молодежь. Демографический взрыв в исламском мире сделал этот слой массовым, а невозможность полноценной социально-экономической реализации – агрессивным. Радикализации молодежи в исламских странах способствовала и местная версия глобализации с характерным для нее нивелированием национальных различий. А именно последние – прежде всего в виде традиций – препятствовали «военизации» ислама. Отмирание традиционных ценностей и неприятие ценностей общества западного сделали значительную часть исламской молодежи совершенно неуправляемой извне. И одновременно легко поддающейся внушению. Чем и пользуются вербовщики террористических организаций, воспитывая из новобранцев готовых на все бойцов.

Кроме того, на протяжении второй половины XX века рос и экономический потенциал исламского мира. Доля мусульманских регионов в мировой экономике не превышает 6-8%, но от них в значительной степени зависит мировой рынок энергоносителей. Создалась уникальная ситуация: верхушка мусульманского мира стала располагать невиданными ранее финансовыми ресурсами. Более того, Запад оказался в значительной зависимости от арабской нефти, что увеличило не только финансовую, но и политическую мощь арабских элит. При этом некоторая часть финансовых ресурсов, образовавшаяся в нефтедобывающих странах, стала направляться в полулегальный и нелегальный бизнес. Таким (отчасти опосредованным) образом нефтедоллары создали подоснову для возникновения системы финансовых потоков, подпитывающих экстремистские исламистские организации.

В определенном смысле можно говорить, что исламский терроризм является идеологией мобилизации, которая хотя и демонизирует культуру современности и политическую демократию, но использует для этого современные средства. Он умело и агрессивно использует плоды западного прогресса, его техническое совершенство. С функциональной точки зрения исламский терроризм представляет собой замедляющий фактор в современном процессе изменения

общества. Он подчеркивает неудовлетворенность темпами социальных изменений, которые в последнее десятилетие невиданно ускорились. В этом отношении он представляет собой интегрирующий компонент процесса глобализации. Диалектика современности вызывает терроризм.

Действительно, для подобных заключений есть некоторые основания. Международный терроризм подпитывается, хотя и косвенно, неравенством и дискриминацией, усиливающимися в условиях глобализации, более того, приобретающими новые формы. Этому способствуют тенденции развития, делающие обмен более важным, чем производство, и ставящие под сомнение труд не только как основное содержание, смысл человеческой деятельности, но и как фактор экономического развития.

Международный терроризм может подпитываться процессом культурной фрагментации, сопутствующей глобализации экономики. Глобализация, сопровождающаяся экспансией культурной продукции, способствует не только культурной гомогенизации, но и стимулирует одновременно реактивные процессы идентификации, коммунитаризм, национализм, экстремизм, что можно трактовать как формы самозащиты от насаждаемой Западом космополитической или транснациональной культуры. Международный терроризм превращается в способ волеизъявления сообществ, которые стремятся защитить и утвердить свою идентичность. Парадоксально, что при этом такие сообщества опираются на свою идентичность не для того, чтобы изолироваться от глобализированной экономики, а чтобы отстоять право и возможность участия в ней, доступ к ресурсам и средствам существования.

Можно сказать, что глобализация экономики и сопутствующая ей культурная и социальная фрагментация способствует глобализации радикального исламизма и международного терроризма. Из этого рождаются новые политические реалии, что позволяет рассматривать современный международный терроризм как социально-политическое явление, как интернациональное движение, имеющее идеологическую природу, устремленность к общим целям. Бескомпромиссность тех, кто совершил теракт в Нью-Йорке, Москве, Мадриде, служит свидетельством того, что мир столкнулся с новой цивилизационной парадигмой. Новая сетевая парадигма держится на принципиально иной системе ценностей, допускающей иное понимание свободы личности. Личности, самой выбирающей себе цель.

Заключенный в одном явлении социальный протест, культурный конфликт и психологическая ярость увеличивают количество угроз в мире, делает их непредсказуемыми. Иными словами, ощущение опасности, риска стало всеобщим и постоянным. «Общество риска» превратилось в реальность. Автор этого термина, немецкий социолог У.Бек, раскрывая его содержание, указывал на состояние всеобъемлющего страха, все более овладевающее людьми:

«Язык опасности заразен: социальная нужда иерархична, новая опасность, напротив, демократична. Она поражает богатых и бедных. Потрясения затрагивают все области. Рынки разрушаются, правовые системы не охватывают состава преступлений, правительствам предъявляются обвинения, и они одновременно получают новые шансы действовать. Мы становимся членами одной команды мировой опасности. Опасность – уже не столько внутреннее дело страны ее происхождения, и страна не может бороться с опасностями в одиночку. Возникает новая внутренняя политика... Ценность безопасности вытесняет ценность равенства. Это ведет к усилению закона, к видимому разумному тоталитаризму от опасности... Недоверчивый и подозрительный гражданин должен быть благодарен, что его сканируют, копируют, обыскивают и допрашивают для его же безопасности. Безопасность, подобно воде или электричеству, становится одним из общественно организованных потребительских благ»¹⁰.

¹⁰ Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 1. С. 11.

Если прежние противоречия выливались в кризисы (политические или военные), то современная ситуация в перспективе создает идеальные условия для мегатерроризма. Одновременно терроризм похож на новый тип войны, который не всегда продолжает политику государства. Это – война нелегитимных акторов, осуществляемая без объявления и с далекими, не в результате этой войны возможными целями. Дело в том, что историческая миссия экстремизма и радикализма заключается в создании нестабильного фона существования общества.

Внесистемные движения – протестные движения, проповедующие экстремизм и радикализм как основную форму своей деятельности, существовали всегда. Но они никогда не становились основой новых политического и социально-экономического порядков. Прежде всего, потому, что они действуют «против» (contra) и никогда не предлагают позитивного выхода (pro) из сложившейся ситуации. Скорее всего, за этой дестабилизацией стоит формирование такой обстановки, в которой выступят уже совсем другие силы.

Все это дает основания выделить четыре основные позиции.

Во-первых, международный терроризм есть проявление антизападных и антиамериканских настроений в мире.

Во-вторых, международный терроризм представляет собой частный случай антиглобализационного движения, выступая в качестве своего рода коррективы разворачивающейся глобализации.

В-третьих, международный терроризм являет собой антиконформистское движение по принципу «contra».

В-четвертых, международный терроризм представляет собой демонстрацию постмодернистской утопии, вступающей в противоречие с рационалистическими и позитивистскими иллюзиями модерна.